

85.118

И20

СА-414117

16+

Андрей
Иванов

Архитектура без архитектора

Вернакулярные
районы
городов мира

СА-494477

Андрей Иванов

Архитектура без архитектора

Вернакулярные
районы
городов мира

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
Слово/Slovo
2023

I Прелюдия

Вначале о том, каковы композиция и «жанр» этой книги.

Первая часть посвящена сути моего сегодняшнего понимания вернакуляра как антиимперской культуры — и в качестве примера здесь выступает постсоветская, но пока не совсем постимперская Армения с ее разнообразной и столь любимой мной вернакулярной застройкой.

В ней же дан краткий обзор еще одного важного для этой книги понятия: внутригородской исторический вернакулярный район. Начало книги писалось позднее остального текста и вышло, наверное, наиболее дискуссионной ее частью — спорьте!

Вторую часть составила авторская подборка вернакулярных случаев трех типов: центральные районы тех исторических городов, где я работал или занимался урбанистическими исследованиями (Городец, Каракол, Узген, Экфье); объекты

Вернакуляр, вернакулярный

[от англ. vernacular] — простой, народный, характерный для данной местности, бытовой. В текстах по архитектуре эти слова, уже ставшие терминами, употребляются применительно к рядовой застройке, выполненной, как правило, без участия профессиональных архитекторов и обладающей определенными средовыми и художественными достоинствами.

моих книг и публикаций в профессиональной печати (ереванские урочища Старый Норк, Фирдус, Гетар, Конд, а также город Гюмри); места, которые я посещал специально ради «вернакулярного наслаждения» (соответствующие районы Афин, Кведлинбурга, Лёвена, Лиссабона, Мехелена, Поорво, Тбилиси).

Серия примеров открывается и закрывается эссе о позднеимперских городах, где империя была как бы преодолена горожанами, их вернакулярными домо- и градоустроительными практиками, альтернативными властным векторам, определяемым директивами «сверху вниз». Это любимые мной Каракол и Гюмри — хотя мест, которые я не прочувствовал и не полюбил, в моей подборке нет.

Вернакуляр — дело внутреннее, непредумышленное. Личное. И слову о нем, по-моему, лучше быть таким же. Поэтому о каждом описанном в книге районе, квартале, городе я говорю тем языком и в той манере, что были присущи мне в дни пребывания в тех местах и их обдумывания. Для каждого случая существует своя «местность письма». Ею определены стили моих эссе.

Но, кроме того, они написаны мной как бы изнутри себя. Ведь вернакуляр — это то, что происходит здесь и сейчас именно с тобой. Создавая его, человек становится субъектом собственной жизни — вопреки зачастую враждебному окружению, стремящемуся ее обессубъектить (агрессивной пропагандой, рутинной работой, потребительскими стереотипами). Но, как ни странно, и не участвуя в вернакулярных практиках, а просто погружаясь в вернакулярную среду, человек испытывает примерно то же самое. Если в бюрократических культурах, как говорил теоретик архитектуры Александр Раппапорт, главное — «скрыть самого себя от самого себя», то в антибюрократическом вернакулярном городе человек, наоборот, начинает быть собой. Вот и я, изучая и описывая вернакуляр, постепенно вставал с головы на ноги — и тоже выращивал, восстанавливал в себе субъекта. А вдруг что-то подобное произойдет и с читателем этой книги?

Ну а в конце, в краткой третьей части, я пытаюсь немного «приподняться» над своими частными случаями, задаваясь

вопросом: может ли вернакуляр жить сегодня по собственной логике, без потери идентичности? Обобщающая теория архитектурного вернакуляра пока не написана. Возможно, не случайно, возможно, она и не должна быть написана — таков уж сам предмет. И если какие-то метаэмпирические сюжеты с позиций «над» и «извне» в книге все же сложились, то лишь для того, чтобы точнее позиционировать вернакуляр в нашем антивернакулярном мире — и помечтать о сохранении его островков в надежде, что мир этот будет чуть добрее и человечнее.

антигуманно не принимать мер по сохранению этого традиционного гармоничного наследия». Кроме того, Хартия установила ряд признаков вернакулярной застройки: а) способы строительства, единые для всего сообщества; б) узнаваемые местные или региональные особенности, соответствие окружающей природной среде; в) согласованность стиля, формы и облика зданий с исторически сложившимся типом застройки; г) использование в проектировании и строительстве традиционных знаний, передающихся неформально; д) эффективное реагирование на функциональные, социальные и экологические ограничения; е) эффективное применение традиционных строительных систем и ремесленных навыков.

Один из первооткрывателей ценности вернакуляра Бернард Рудолфски называл его архитектурой без архитекторов или неподродистой архитектурой. Теоретик Александр Раппапорт — архитектурой непреднамеренной. Автор «Глобального исследования вернакулярных зданий» Аллен Нобл расширил понятие, включив в число создателей вернакуляра профессионалов. Он провел черту между народной и вернакулярной архитектурой, отметив, что в первом случае авторами обычно выступают простые люди, не обученные строительному искусству, тогда как во втором ими могут быть те, кто учился у мастеров и имеет профподготовку.

В то время как в западных гуманитарной географии, антропологии, урбанистике, архитектуроведении вернакуляр исследуется довольно активно, на отечественной почве этот концепт только пробивает себе дорогу. Одним из его адептов был урбанист Александр Высоковский. В лекции 2013 года «Вернакулярный город» он говорил о невидимой, но мощной структуре понимания и идентификации места, в котором живут горожане, как о мыслительной конструкции, порожденной самими людьми в процессе жизнедеятельности. Эту конструкцию он назвал вернакулярным городом или вернакулярной структурой — она не является результатом осознанной технической или научной деятельности, но возникает в процессе проживания и вживания, взаимодействия с окружающими физическими объектами и социальными

средами. Ученый развил здесь понятие вернакулярного района, предложенное, в частности, американским географом Рут Хейл в 1970-х годах:

«<Она> применила понятие вернакуляров для описания районов, которые возникают в результате жизненных циклов человека и сообществ. Такие районы не обозначены административными границами или физическими преградами.

<...> Люди сами выстраивают их как определенные ареалы своей жизнедеятельности. <...> Именно здесь реализуется важная для человека функция жизнедеятельности, а кроме того, происходит его самоидентификация с территорией — с определенным местом и, соответственно, сообществом, населяющим это место».

Географ Семён Павлюк, отталкиваясь от другой важной категории современной урбанологии — места, в книге «Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества» дает еще одно определение понятию «вернакулярный район»:

«<Оно> вырастает из концепций чувства места (sense of place), которое американский географ Джон Агнью определяет как субъективную и эмоциональную привязанность к месту, и топофилии И-Фу Туана, положительной эмоциональной связи с определенным ландшафтом. Место — часть пространства, наполненная территориальным и социальным смыслом для человека. Это территория, до которой ему есть дело. Достаточно крупные и насыщенные внутренним смыслом места можно назвать вернакулярными районами — районами, существующими в общественном сознании населяющей их территорию общности людей».

Александр Высоковский работает над схемой неравномерно районированной (вернакулярной) структуры Екатеринбурга

Сергей Кузнецов искренне хочет сделать Москву лучше и красивее. Вот только — если разобраться в его словах — без каких-либо признаков вернакуляра. Впрочем, его в столичной Москве и без Кузнецова остались крохи.

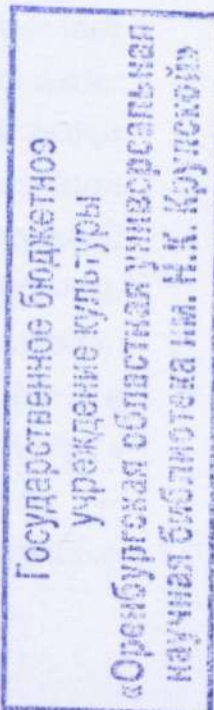
I Мировые провернакулярные тренды

Той же точки зрения, что и главный архитектор Москвы, еще недавно придерживалось большинство архитекторов-модернистов. Но ситуация быстро меняется. Лауреатами Притцкеровской премии, архитектурного аналога Нобелевской, все чаще становятся не звездные архитекторы, строящие по принципу top down, «сверху вниз» (такие как Фрэнк Гери, Норман Фостер, Заха Хадид или Жан Нувель), а мастера, творчество которых основано на местных, вернакулярных традициях.

Архитектор из Индии Балкришна Доши (1927–2023), лауреат Притцкера 2018 года, при создании большого жилого района «Аранья» у себя на родине построил несколько зданий-образцов, ориентированных на семьи разного размера и достатка. После этого жители, взяв за основу созданные архитектором прототипы, проектные изображения или соседские постройки и модифицируя их согласно собственным материальным возможностям и эстетическим представлениям, сами (или приглашая мастеров-каменщиков в помощь) строили свои жилища.

А лауреатом 2022 года стал Френсис Кере, уроженец Буркина-Фасо. В заявлении притцкеровского жюри говорится:

«Он разработал чуткий архитектурный подход «снизу вверх», поощряющий соучастие местных сообществ. <...> Его первое здание, начальная школа в родной деревне Гандо (2001), было построено самими жителями деревни. Они вкладывали свой труд и ресурсы на всем пути от замысла до завершения здания, создав почти все его вручную, следуя изобретенным архитектором формам и используя местные материалы и современную

20-4141-17

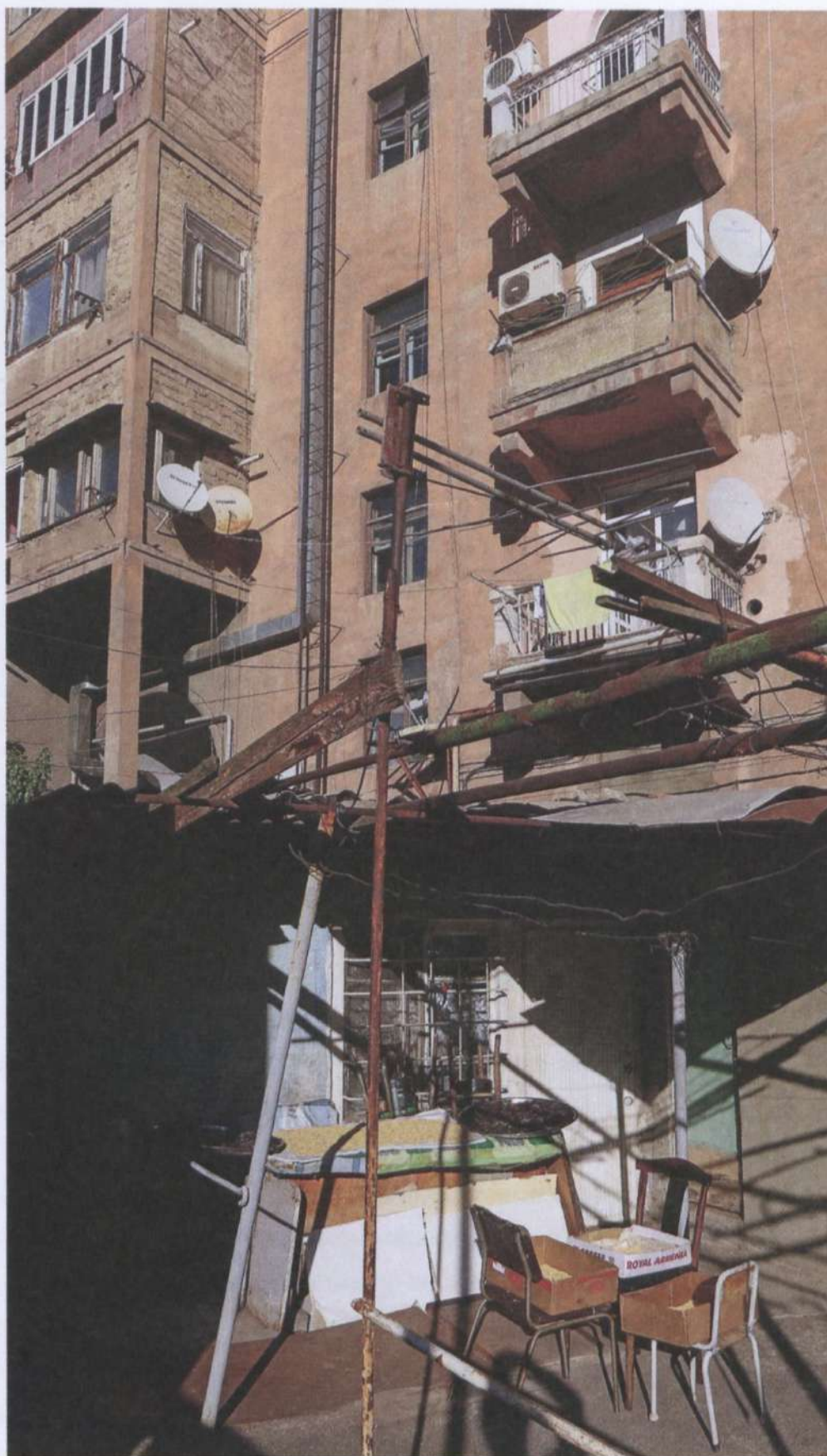
В таком контексте особенно интересной видится фигура Александра Таманяна. «Краеугольным камнем» Еревана как новой столицы Армении считается генеральный план, разработанный этим архитектором и утвержденный в 1924 году. Город был радикально перепланирован (сохранены лишь трассы

Ереван. Площадь Ленина (ныне Республики). На проектной панораме 1955 года нет ни одного здания, построенного ранее 1930-х

нескольких центральных улиц), а вся его застройка, за исключением церквей и мечетей, подлежала полной замене. Осмелюсь предположить, что во многом именно такое отношение к старому Еревану закрепило приятие в Армении тотальной перестройки исторического города как основного метода, которым в течение

Ереван. Дворик внутри двора Дома энергетиков, построенного в 1950-е

Москва. Высотка гостиницы «Украина». Вид с крыши посольства США на Новинском бульваре, Фото М. Манхофа, начало 1950-х

себя свободными индивидами; в реальности же они были загнаны в тесные социальные роли, навязанные самым жестко стратифицированным обществом в Европе».

Надежда Мандельштам в своих «Воспоминаниях» пишет: «Чем сильнее централизация, тем эффектнее чудо. Мы радовались чудесам и принимали их с чистосердечием восточной, а может, даже ассирийской черни. Они стали частью нашего быта». Явление помпезного фасада в формах сталинского ампира действительно было чудом для обитателя советской империи 1930–1950-х. Известно, как 7 ноября 1934 года демонстранты аплодировали только что открытому фасаду дома Жолтовского на Моховой улице в Москве. Что уж говорить об обстроенных такими фасадами ансамблях центральных улиц и площадей (Горького / Тверской и Кутузовского проспекта в Москве, проспекта

застроилась. Через два года в городе насчитывалось 80 домов, 52 лавки, 5 мельниц, а среди расквартированных войск были батальон пехоты, горная батарея и две сотни казаков. Гвардии подполковником и ученым Ярославом Корольковым (впоследствии генерал-майор, действительный член Русского географического общества) здесь в 1881 году основана первая в регионе метеостанция, городским старостой, военным врачом с московским университетским образованием Николаем Барсовым в 1890-е заложен парк, в начале девятисотых открыта первая в Семиречье и долгое время единственная на территории Киргизии публичная библиотека, построены школы для детей горожан. В 1907 году штабс-капитаном Виктором Пяновским организован конный завод, а в 1910-м — ипподром. Воздвигнутый в 1894 году по инициативе горожан памятник Пржевальскому работы петербуржцев Ивана Шрёдера и Александра Бильдерлинга оказался первым произведением монументальной скульптуры на территории Киргизии. Церковь Святой Троицы, построенная в 1893–1895 годах на средства местных купцов Масликовых, стала важным просветительским центром — в ее библиотеке насчитывалось более 1000 книг — и послужила архитектору Андрею Зенкову образцом при проектировании знаменитого деревянного Вознесенского собора в Верном.

В 1897 году население Пржевальска насчитывало около 8000 человек. Город стал самым большим на территории нынешней Северной Киргизии, активно развивавшимся торговым и экономическим центром Прииссыккуля. Транзитная и базарная торговля легли в основу роста обширной купеческой прослойки. Отсюда отправлялись экспедиции в Центральную Азию, возглавленные известными учеными и путешественниками.

Александр Васильевич Каульбарс
(1844–1929)

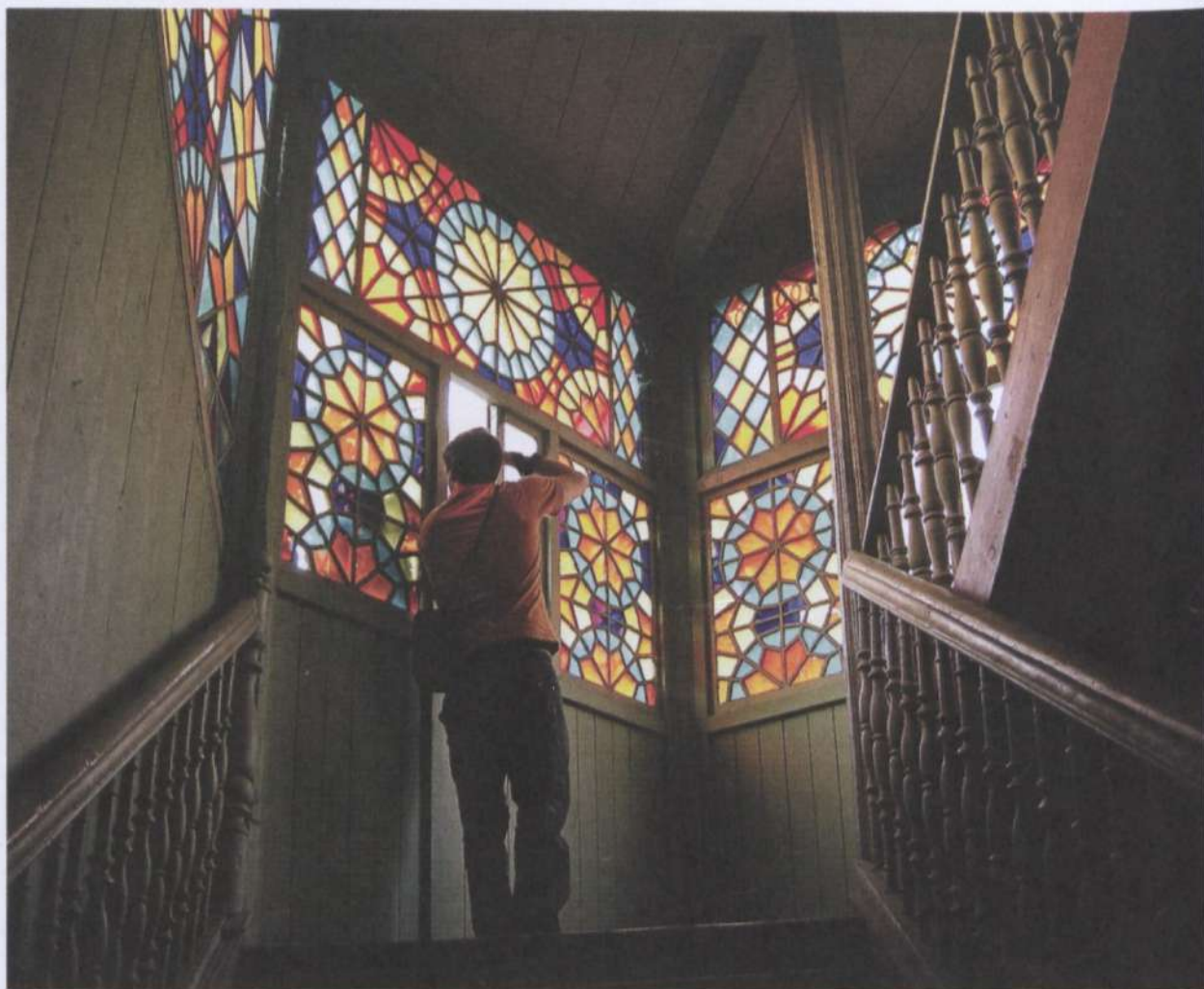
В 1913 году в городе проживало уже 16 250 человек, было 2 церкви, 9 мечетей, 4 приходские школы, русско-туземная школа, где изучались основы ведения сельского хозяйства, медресе

Троицкая церковь — архитектурный символ Каракола

при узбекской и школа при татарской мечетях. В лучших домах города размещались женская прогимназия, мужское 4-классное училище, общественная библиотека-читальня. В городе работало 44 фабрично-заводских производства — пивоваренных, маслодельных, кожевенных, мыловаренных и лесопильных — и 15 мукомольных мельниц. Предприятия эти в массе своей не были крупными, на них работало всего по 5–6 человек; основная же часть горожан занималась торговлей, лесопромыслом, сельским хозяйством, садоводством и пчеловодством.

При том, что традиции русской культуры стали здесь определяющими, население Пржевальска оставалось многонациональным. Так, в начале XX века из 102 городских торговцев 78 были татарами (одно из самых представительных зданий города — именно татарская мечеть), а дунганская община Пржевальска

Витражи в технике шебеке, улица Бетлеми, 3

выполненные в традиционной — в основном для Азербайджана и Ирана — и очень сложной технике шебеке (деревянные детали и цветные стекла соединяются без клея и гвоздей и составляют вместе затейливые геометрические орнаменты). Участники проекта рассказывали, как трудно было найти мастеров, все еще владеющих ею, — отыскивали, и яркие фонарики этих балконов стали цветовым фокусом района, а то и всего Старого города.

На нескольких зданиях воссозданы или отреставрированы такие же мушараби с традиционными резными деревянными ограждениями.

Благоустроено пространство вблизи Верхней Бетлемской церкви как место для общения и проведения локальных праздников. На запущенном пустыре появились цветочные клумбы,

Балконы бетлемского дома, воссозданные в рамках программы возрождения квартала

фруктовые деревья, скамьи для отдыха, фонтанчик с водой, стенд со схемой квартала. Здесь же теперь — популярная смотровая площадкой: вид на Старый Тбилиси отсюда чуть более камерный, чем с крепости наверху, но все равно чудесный. А фестиваль Бетлемского квартала, впервые проведенный в 2011 году, стал традиционным и привлекает множество жителей города и туристов.

И самое главное: реконструкция улиц-лестниц. Это важнейший компонент городской среды, устраиваемой на склоне горы, — без приличных лестниц здесь жизни нет. К началу 2000-х все они сильно обветшали, и их обновление силами жителей и при финансовой поддержке проекта стало одним из знаков возрождения квартала.

Если задуматься, этот граф сильно опередил свое время. Практики сохранения исторических деревянных городов, поддерживаемые широкой общественностью, развернулись в скандинавских странах только в 1970-х. До этого деревянные вернакулярные районы повсеместно сносились и заменялись массовым

Улица Вяликату

Порвоо. Горожане

модернистским жильем; не только горожане, но и большинство профессионалов не понимало их ценности и лишь отдельные упорные консервационисты выступали с призывами — в основном тщетными — остановиться.

А графу Спарре удалось убедить и победить это пренебрежение вернакуляром лет за 70 до того — пусть и в одном маленьком городке (в Порвоо в конце XIX века было около 4 тысяч жителей). Кажется, все так просто: лекция, книга, картины, гравюры...

Ну а мы, ничего не зная о подвиге Спарре, приехали в Порвоо именно 3 апреля — ровно через 120 лет после его легендарной лекции. И как же было приятно на заснеженной террасе старинного деревянного кафе погреться на солнышке и выпить первый уличный кофе в году. Как и мы, тянутся теперь в Порвоо гости из Хельсинки, благо полсотни километров всего.

Да и с другой стороны, из Петербурга, хоть оттуда и подальше, заезжают (ну а те, кто пока не был в Порвоо, могут посмотреть на него в фильме Леонида Гайдая «За спичками»). Порвитяне же живут своей жизнью в удобных, теплых, красивых старых деревянных домах, давно уже переставших быть трущобами. И сами

Покосившийся амбар и Малая церковь Новый район на западном берегу Порвоонйоки

их красят в традиционный красный и другие яркие цвета — вернакулярные практики живут и торжествуют.

Но и новые деревянные кварталы появляются на другом, западном, берегу реки Порвоонйоки. Эти дома суперсовременные, но тоже максимум двухэтажные, а дизайн их основан на типологии старых, покрашенных красной охрой амбаров, что примостились прямо у воды на противоположном берегу. Новый райончик — он построен в 2006 году компанией Porvoo Jokineito по проекту архитектора Туомо Сиитонена — ничего не портит, скорее, добавляет городской среде глубину времени. Связывает живое прошлое с настоящим. Так тоже, оказывается, можно.

Кстати, эти красные амбары — самой простой архитектуры, какая только может быть, вернакулярнее некуда — теперь стали настоящим символом города. Когда-то в них хранили привезенные по реке на продажу товары, а сейчас там жилье,

I Содержание

Прелюдия 5

Часть I

Вернакуляр и империя 9

Живой вернакуляр 10

Вернакулярное везение
и антивернакулярная картина мира 14

Мировые провернакулярные тренды 17

Гордость и презрение 21

Культура три 30

Колониальный город
vs вернакулярный город 50

Что делать с вернакуляром? 53

Нужны перемены 56

Часть II

Островки свободы.

15 вернакулярных случаев 59

Имперская неимперскость.

Старый Пржевальск. Каракол, Киргизия 60

Вечные махалля. Старый Узген. Узген, Киргизия 87

«Мы ведь не хуже шведов-то». Улица Андрея Рублева —
набережная Революции. Городец, Россия 107

Как остановить невойну. Гамла Стан. Экфьё, Швеция 123

Своими руками. Бетлеми. Старый Тбилиси, Грузия 137

Лабиринт-гора. Алфама. Лиссабон, Португалия 149

Устойчивый фахверк. Альтштадт. Кведлинбург, Германия 160

Мирские обители. Бегинажи. Лёвен, Мехелен, Бельгия 172

Остров под Акрополем. Анафиотика. Афины, Греция 185

Дерево, солнце, снег, граф. Ванхакаупунки. Порвоо, Финляндия 195

Память и вино. Старый Норк. Ереван, Армения 202

Несохраненный симбиоз. Фирдус. Ереван, Армения 214

По течению, против тренда. Гетар. Ереван, Армения 227

Бастион сопротивления. Конд. Ереван, Армения 241

Лексикон вернакулярной среды.

Старый Александрополь. Гюмри, Армения 259

Часть III

Уроки живого вернакуляра.

Несколько мыслей о его сохранении 301

Как сберечь вернакулярное наследие? 302

Библиография 312